

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

М. С. Краснякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2015 г.

Аннотация: в данной статье приведен анализ трансформации категорий исторической поэтики. В работе прослежен путь становления проблем исторической поэтики от ее основоположника А. Н. Веселовского до работ современных ученых литературоведов. Наиболее перспективным выбран ракурс исследования исторической поэтики в контексте целостного сопоставления со структурными особенностями православного менталитета и ортодоксального литургического цикла.

Ключевые слова: историческая поэтика, литературно-художественные формы, типичные сюжетные построения, мотив.

Abstract: the analysis of transformation of categories of historical poetics is provided in this article. In work the way of formation of problems of historical poetics from her founder A. N. Veselovsky before works of modern scientific literary critics is tracked. The foreshortening of research of historical poetics in the context of complete comparison to structural features of orthodox mentality and an orthodox liturgical cycle is chosen as the most perspective.

Key words: historical poetics, literary and art forms, typical subject constructions, motive.

Один из наиболее распространенных способов интерпретации художественного текста – это его сюжетный анализ. Литературоведение сегодня обладает развернутым методологическим аппаратом, сложившимся в рамках вариативных теорий сюжета.

Одним из самых перспективных векторов в изучении сюжета остается основанная А. Н. Веселовским историческая поэтика.

А. Н. Веселовский в своих трудах исследовал воздействие исторически сложившейся традиции в литературе на индивидуальный акт творческого сознания. «Задача исторической поэтики, как она мне представляется, – определить роль и границы предания в процессе личного творчества» [1, 12]. Ученый исходит из постулата о том, что в процессе исторического восприятия действительности и поисков способов ее поэтического отражения сложились определенные сюжетные схемы, которые существуют и в настоящее время, имея способность усложняться. «...Это вопрос о типических схемах, захватывающих положения бытовой действительности; однородных или сходных, потому что всюду они были выражением одних и тех же впечатлений; схемах, передававшихся в ряду поколений как готовые формулы, способные оживиться новым настроением» [1, 28]. Схематизация действия естественно вела к схематизации действующих лиц, типов. Указанные схемы являются своеобразной формами, которые наполняются специфическим содержанием

в творческом процессе создания автором художественного произведения. А. Н. Веселовский справедливо считается одним из основоположников структурного подхода к анализу сюжета. Определяя сюжет как «сложную схему, в образности которой обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности», ученый научно обосновывает значение термина мотив: «под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения». И, наконец, выявляя связь сюжета и мотива, исследователь приходит к выводу, что «в сюжетах снуются разные положения-мотивы» [1, 30].

Предваряя заключения А. Н. Веселовского об историческом характере сюжетных схем, М. М. Бахтин в 1970 году писал: «Пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания, в его, так сказать, современности... произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [2].

Оппонентом А. Н. Веселовского выступила О. М. Фрейденберг, советский филолог, двоюродная сестра Б. Пастернака. В исследованиях О. М. Фрейденберг центральное место занимает семантика литературных, шире — культурных мотивов и форм, их трансформация из архаических в исторические. Основное значение в построении А. Н. Веселовского

имеет его учение о синкретизме, т. е. о том смешанном состоянии, в котором первоначально находились зародыши будущих литературных жанров; обрядовое действо, неотделимое от пляски и пения, — вот откуда вышли все жанры. О. М. Фрейденберг критикует исследователя, утверждая, что «...Веселовский имеет дело с фактами жизни и приписывает им непосредственную роль в формации литературных элементов, минуя сознание; сами эти факты он понимает в культурно-историческом духе; в них — генезис форм, в частности — сюжета, в причинном соотношении с ними находится вся литература...» [3,17].

Мнения ученых сходятся в понимании начальной, отправной точки происхождения литературно-художественных форм, которая находится в историческом прошлом. Основные противоречия кроются в понимании соотношения формы художественного произведения и его содержания. Понятие формы у А. Н. Веселовского широко, она представляется в виде неизменных элементов, которые живут вечно, переходят по наследству из поколения в поколение, странствуют по народам и представляют собой, в конце концов, общеупотребительный сложенный язык. Содержание, наоборот, подвижно и вечно меняется, вливаясь в старые формы, оно обновляет их и приближает к культурно-историческим запросам соответствующей эпохи. Таким образом, новых форм нет, своеобразие литературного произведения проявляется в сочетании новых содержаний с видоизмененными традиционными формами. Условно такую схему можно изобразить следующим образом:

Содержание 1 →

Содержание 2 → Формы (постоянные, неизменяемые)

Содержание 3 →

...

О. М. Фрейденберг обвиняет А. Н. Веселовского в механистическом подходе к изучению проблемы, в отсутствии внимания к семантическим истокам развития поэтики: «...его сравнительный метод безнадежно статичен, несмотря на то, что сюжеты и образы у него “бродят”... Проблемы семантики Веселовский совсем не ставит, и в этом он особенно нам чужд; его интересует общая механика литературного процесса в целом, но не движущие причины этой механики; у него нет ни социальной обусловленности, ни изучения мышления, ни интереса к раскрытию смыслового содержания литературного факта» [3,19].

Первоочередной задачей современной поэтики О. М. Фрейденберг считает «показать, что поэтика есть наука о закономерности литературных явлений как явлений общественного сознания, что общественное сознание исторично и меняется в зависимости от этапа развития общественных отношений... важно показать, что поэтика есть и теория и кон-

кретная история литературы» [3,41]. Если А. Н. Веселовский полагал, что неизменные формы способны наполняться новым содержанием, то О. М. Фрейденберг считает, что «в процессе истории одно и то же различно оформляется, подвергаясь различным интерпретациям и различию языка форм; перед нами двуединое явление, внутреннее тождество и внешнее многообразие» [3,14]. Изобразим эту теорию в схеме:

Содержание 1, 2, 3... → Форма 1, 2, 3...

Таким образом, с точки зрения А. Н. Веселовского, одна и та же сюжетная форма может наполняться разным идейным содержанием, а с точки зрения О. М. Фрейденберг, одно и то же содержание может реализовываться в разных сюжетных формах, причем как содержание, так и формы бесконечно многообразны.

В таком случае, можем ли мы говорить о типичных сюжетных схемах при условии их наполнения узнаваемыми сюжетными признаками, зародившимися в историческом прошлом? Или внешняя схожесть сюжетов является лишь случайным совпадением в бесконечной цепочке бесчисленного многообразия сюжетных форм?

В современном литературоведении сформировалось направление исследования, целью которого является создание словаря сюжетов и мотивов. Речь идет о деятельности новосибирского института филологии СО РАН. Под руководством Елены Константиновны Ромодановской коллектив, включающий сибирских филологов, а также исследователей европейской части России, составлял в течение тринадцати лет словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы и дополнительную серию «Материалы к словарю мотивов и сюжетов» (в 2009 году был выпущен восьмой сборник статей). К настоящему времени изданы три выпуска словаря, в которых приведены словарные статьи о мотивах и сюжетах, появившихся в русской литературе со времени ее возникновения и до современности.

В исследованиях отчетливо доказывается мысль о существовании типичных сюжетных построений и необходимости их систематизации. Первый том словаря разбивает мотивный и сюжетный ракурс русской литературы XIX—XX вв. на три основные тематические группы: сюжеты библейские, мифологические и царские (фигура и символика царя и царской власти в художественном творчестве). Во втором томе рассматривается сюжетный состав русской литературы по сюжетам западноевропейской литературы и календарной тематики. Третий же том содержит сюжеты, связанные с представлениями об античной культуре, ее мифологии и истории.

Авторами «Материалов к словарю сюжетов и мотивов» уделяется достаточно много внимания определению функционального значения мотива и сю-

жета как нарративных структурных элементов. Так, статьи «Мотив и канон», «Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм» Э. А. Бальбура правомерно считать программным изложением теоретической концепции «Материалов к словарю сюжетов и мотивов» и самого словаря. Исследователь утверждает, что мотив является «ключевой единицей художественной семантики» [4, 6], что новейшая литература обретает гибкость повествовательных структур и «... становится очевидно, как усложняется ее структурный репертуар» [5, 37]. Э. А. Бальбуров считает, что приоритетным при анализе литературного произведения должен становиться стиль, а не жанр и сюжет, а в качестве базовой единицы текста – мотив, поскольку именно мотив «обладает свободной скользящей референтностью и повышенной способностью к сочетаемости» [5, 37].

Схожие рассуждения встречаются и в другой программной статье серии — «Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему)» Н. Д. Тамарченко. По мнению исследователя, «мотив — цикличная, архетипическая ситуация» [6, 38], поэтому его правомерно считать общим элементом в составе сюжетов различных произведений, возникавших в различные эпохи.

При изучении статей из «Материалов...» мы отметили не только разработку важного теоретического аспекта исследуемых проблем, но также многополярность авторских взглядов и сложность выявления единой концепции изучения сюжета и мотива. На эту сложность обратил внимание и крупный канадский исследователь Клаудио Наполи, который, признавая «важность значения Словаря и Материалов для развития определенных научных сфер русистики», отметил, что «очень сложно для Материалов определить общую критическую школу или хотя бы общую направленность: каждый исследователь работает абсолютно самостоятельно и независимо от остальных ученых» [7, 268]. Несомненно, этот факт добавляет сложности при изучении сюжетно-мотивной организации произведения и ставит перед современным исследователем проблему самостоятельного поиска методологических подходов и путей анализа текста.

Наиболее перспективными сегодня, на наш взгляд, являются разработки ученых, представляющих новую историческую поэтику в русле концепции «Евангельского текста русской литературы».

С 1990 года издательство Петрозаводского государственного университета осуществляет выпуск серийного научного издания «Проблемы исторической поэтики. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков». Общая цель исследования художественной литературы была сформулирована одним из главных теоретиков и ответственным редактором В. Н. Захаровым в статье «Русская лите-

ратура и христианство»: «Нужна новая концепция русской литературы, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции» [8, 5]. Теоретическая концепция новой исторической поэтики сформулирована в ряде программных статей. В работе «Историческая поэтика: перспективы разработки» В. Е. Хализев анализирует различные концепции исторической поэтики в современном литературоведении и намечает перспективы ее разработки как научной и образовательной дисциплины. При этом исследователь определяет цель новой исторической поэтики: «В идеале она может (призвана, должна) составить систему научных высказываний, интерпретирующих литературный процесс в его целостности» [9, 9]. В. Н. Захаров в статье «Историческая поэтика и ее категории» отмечает, что современная историческая поэтика значительно расширила состав своих научных категорий и «любые и традиционные, и новые, и научные, и художественные категории могут стать категориями исторической поэтики. В конечном счете дело не в категориях, а в принципе анализа — историзме» [10, 9]. И. А. Есаулов справедливо утверждает, что «рассмотрение литературного произведения в контексте христианской традиции как особого рода трансисторической длительности вполне отвечает задачам новой исторической поэтики и, во всяком случае, находится в русле размышлений как Веселовского, так и Бахтина» [11, 13]. Исходя из постулата, что проблемы поэтики должны рассматриваться в контексте целостного сопоставления со структурными особенностями православного менталитета и ортодоксального литургического цикла, исследователь вводит и научно обосновывает новые категории исторической поэтики, такие как соборность, пасхальность, христоцентризм.

Идеи И. А. Есаулова, В. Н. Захарова находят реализацию в трудах ряда известных ученых: Котельникова В. А., Моторина А. В., Сатаровой Л. Г., Пращерук Н. В., Гаричевой Е. А. и др.. В русле данного подхода уже написаны многие монографии: Кошемчук Т. А. «Русская поэзия в контексте православной культуры» (2006), Казанцева И. А. «Православие, мир, человек в творчестве писателей XX–XXI веков» (2008), Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции (2009), Нейчева Н. «Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского» (2010), Леонов И. С., Корепанова В. А. «Поэтика православной прозы XXI века» (2011) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. М. Историческая поэтика / А. М. Веселовский. – М., 1989. – С. 303–305.
2. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 331.

3. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – Москва : Лабиринт, 1997. – 448 с.
4. Бальбуров Э. А. Мотив и канон / Э. А. Бальбуров // Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск : Наука, 1998. – 340 с.
5. Бальбуров Э. А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм / Э. А. Бальбуров // Сюжет, мотив, история. – Новосибирск : Наука, 2009. – 309 с.
6. Тамарченко Н. Д. Мотив преступления и наказания (введение в проблему) / Н. Д. Тамарченко // Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск : Наука, 1998. – 340 с.
7. Клаудио Наполи. Словарь сюжетов и мотивов русской литературы и Материалы. Заметки об одном сибирском проекте // Toronto Slavic quarterly. – No 39, Winter 2012. – С. 258–269.
8. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики: сборник научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред. В. Н. Захаров; Петрозаводск : ПетрГУ, 1992. – 160 с.
9. Хализев В. Е. Историческая поэтика: перспективы разработки / В. Е. Хализев // Проблемы исторической поэтики: сборник научных трудов. Вып. 1 / Отв. ред. В. Н. Захаров; Петрозаводск : ПетрГУ, 1990. – 136 с.
10. Захаров В. Н. Русская литература и христианство / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики: сборник научных трудов. Вып. 3 / Отв. ред. В. Н. Захаров; Петрозаводск : ПетрГУ, 1994. – 383 с.
11. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 6 / Отв. ред. В. Н. Захаров; Петрозаводск : ПетрГУ ; СПб., 2011. – 408 с.

*Воронежский государственный университет
Краснякова М.С., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: marinakrasniakova@rambler.ru*

*Voronezh State University
Krasnyakova M. S., Post-graduate Student of the Russian Literature of the XX and XXI Centuries, the Theory of Literature and Folklore Department
E-mail: marinakrasniakova@rambler.ru*